

Е.А. Серегина

Государственная институционализация памяти о периоде сталинизма в России и Латвии: сравнительный анализ

В статье анализируется российский и латвийский опыт государственной политики в отношении институционализации памяти о периоде сталинизма. В центре внимания автора – различия в латвийском и российском подходах, а также их причины. Автор приходит к выводу о том, что в основе этих различий лежали разные цели, стоявшие перед Россией и Латвией после распада СССР.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Россия, Латвия, историческая память, историческая политика, сталинизм, мемориал, музей.

В современных государствах вопросы формирования внутренней и внешней политики решаются при участии широкого спектра заинтересованных игроков (политических партий, гражданских активистов, экономических лоббистов, академического сообщества и др.). Все они в целях мобилизации общественного мнения стремятся использовать в своих интересах «историческую память» социума и представления граждан об «уроках истории».

Разумеется, в стабильных обществах пространство для маневра в данных вопросах ограничено: пантеон национальных героев определен и освящен многовековой традицией, оценки основных событий прошлого даны и закреплены в искусстве, монументальных сооружениях, памятных датах, школьном курсе истории и знаменитых речах выдающихся политиков. Ревизия внутри академической среды допускается, но в строго очерченных рамках и обычно не приводит к кардинальному пересмотру оценок прошлого широкими слоями населения.

Совершенно иная ситуация наблюдается в трансформирующихся и неустойчивых обществах, переживающих период становления и своеобразной «кодификации» своей исторической памяти. Особенно важна «историческая политика» для обществ, переживших опыт крайних форм авторитаризма.

Окончание Холодной войны, крах социалистического лагеря и распад Советского Союза привели к образованию ряда новых государств. Кроме актуальных экономических, политических и социальных вопросов, перед новыми обществами стояла задача конструирования национальной идентичности, а их правительства должны были озаботиться поисками источников своей легитимности, в том числе и исторической. Разумеется, для постсоциалистических обществ важнейшим историческим периодом, отношение к которому определяло их самополагание, был период 1920–1950-х годов, эпоха сталинизма, которая и сама оказывала определяющее влияние на исторические представления граждан СССР.

Демократическая Россия в первые годы своего существования на фоне взятого элитой курса на включение в западные институты, культурное, экономическое и политическое пространство Запада стремилась полностью принять устоявшиеся там (прежде всего в англосаксонской традиции) оценки советского периода русской истории и, в частности, периода сталинизма. Отрицание советского прошлого, критика сталинизма за его бесчеловечность, репрессии, преступную экономическую политику, преследование инакомыслия и т. п. было составной частью демократической риторики руководства страны в тот период. Был принят Закон Российской Федерации от 18 октября 1991 г. № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий», в котором указывалось, что «за годы Советской власти миллионы людей стали жертвами произвола тоталитарного государства, подверглись репрессиям за политические и религиозные убеждения, по социальным, национальным и иным признакам. Осуждая многолетний террор и массовые преследования своего народа как несовместимые с идеей права и справедливости, Федеральное собрание Российской Федерации выражает глубокое сочувствие жертвам необоснованных репрессий, их родным и близким, заявляет о неуклонном стремлении добиваться реальных гарантий обеспечения законности и прав человека».

Стоит отметить, что не только государство, но и гражданское общество принимало активное участие в институционализации памяти о периоде сталинизма и, прежде всего, о репрессивной составляющей этого режима. Так, еще в 1990 г. обществом «Мемориал» при финансовой поддержке демократических властей Москвы на

Лубянской площади, напротив здания КГБ СССР был установлен мемориальный Соловецкий камень, памятник жертвам политических репрессий. Кроме того, в соответствии с Постановлением Верховного Совета РСФСР от 18 октября 1991 г. № 1763/1-I «Об установлении Дня памяти жертв политических репрессий» 30 октября, день открытия Соловецкого камня в Москве, стало официально признанным Днем памяти жертв сталинизма.

Более того, утвердилась традиция, по которой президенты России в этот день делают специальные заявления или посещают места, связанные с историей сталинского террора. Так, большой отклик в прессе нашло посещение в 2007 г. президентом В. Путиным совместно с патриархом Алексием Вторым Бутовского полигона, ставшего местом массовых расстрелов в период «Большого террора». В ходе посещения полигона В. Путин отметил, что «такие трагедии повторялись в истории человечества не однажды. И всегда это случалось тогда, когда привлекательные на первый взгляд, но пустые на поверку идеалы ставились выше основной ценности – ценности человеческой жизни, выше прав и свобод человека»¹. Президент Д. Медведев в 2009 г. также выступил с обращением по случаю Дня памяти жертв политических репрессий, сделав особый акцент на необходимости сохранения памяти о жертвах преступлений сталинизма: «Я убежден, что никакое развитие страны, никакие ее успехи, амбиции не могут достигаться ценой человеческого горя и потерь. Ничто не может ставиться выше ценности человеческой жизни. И репрессиям нет оправдания. Чрезвычайно важно, чтобы молодые люди были способны эмоционально сопереживать одной из величайших трагедий в истории России, миллионам людей, погибшим в результате террора и ложных обвинений во время чисток 30-х гг. Мы много внимания уделяем борьбе с фальсификацией нашей истории. И почему-то зачастую считаем, что речь идет только о недопустимости пересмотра результатов Великой Отечественной войны. Но не менее важно не допустить под видом восстановления исторической справедливости оправдания тех, кто уничтожал свой народ»².

Период президентства Д. Медведева 2008–2012 гг. был отмечен повышенным вниманием властей к проблеме «исторической политики». Так, в записи в своем видеоблоге от 8 сентября 2009 г. Д. Медведев отметил, что попытки фальсификаций истории «становятся все более жесткими, злыми, агрессивными», а 13 мая президентом была учреждена Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Президентом также были поддержаны инициативы членов Совета по правам человека

по десталинизации, которые впоследствии нашли свое отражение в подписанной в 2015 г. Д. Медведевым, уже как председателем правительства, Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий.

Кроме того, в России созданы и действуют специальные «места памяти» и музеи, фиксирующие память о жертвах сталинизма. К ним, помимо упомянутого Соловецкого камня, относятся также аналогичный памятный камень в Санкт-Петербурге на Троицкой площади, Музей истории ГУЛАГа в Москве, музей «Пермь-9», Мемориал памяти жертв политических репрессий недалеко от Екатеринбургa, Сквер памяти жертв сталинских репрессий в Томске и расположенный там же мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД», мемориал «Покаяние» в Пензе, памятник «Маска скорби» в Магадане и ряд других.

Вместе с тем, надо признать, что, несмотря на существующую государственную институционализацию памяти о периоде сталинизма, она, вероятно, недостаточна для России, учитывая масштаб страны и количество жертв сталинизма и их потомков. Кроме того, в российском публичном пространстве достаточно широко представлены те, кто либо отрицает сталинские преступления, либо не считает их чем-то недопустимым. Даже вполне лояльный властям журналист и член Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека Н. Сванидзе отмечает в связи с этим: «Я помню то время, о котором вы говорите, – это вторая половина 80 – начало 90-х, пожалуй, все 90-е. Тогда даже очень убежденные, искренние и смелые сталинисты, которые признавались в своей любви к Сталину, делали это в очень ограниченных объемах, на страницах своей собственной печати. А если в компаниях – так просто заливались румянцем, потому что они понимали, что они в собственных глазах совершают подвиг, потому что так больше, кроме них, никто не думает. А сейчас это такой мейнстрим»³.

Особенно хорошо это видно в сравнении ситуации в России с ситуацией в Латвии – одной из балтийских республик бывшего Советского Союза, включенной в состав СССР после сложного процесса в 1939–1940 гг., сочетавшего в себе элементы силового давления, «мягкой силы» коммунистической идеологии и влияния международной обстановки⁴.

С момента восстановления государственной независимости в 1991 г. официальные латвийские власти предприняли целый ряд мероприятий, направленных на конструирование и закрепление памяти о периоде сталинизма как о времени насильственного

уничтожения национальной государственности, террора против латышей и преследования инакомыслия. Особенно важным в связи с этим стала тема депортации латышей с родной земли в период сталинизма. Вскоре после обретения независимости в качестве памятной даты в стране был учрежден День памяти жертв коммунистического террора и массовой депортации (14 июня). Как отмечает по этому поводу современный эстонский политолог Э.-К. Онкен, «символом этого восприятия стал вагон для скота. В Западной Европе этот образ, в первую очередь, обозначает чудовищно жестокое уничтожение европейских евреев. Для жителей бывшего Советского Союза и Прибалтики он символизирует собственные страдания, сталинские массовые депортации, ссылку и убийство целых народов в ГУЛАГе. В июне 2001 г. был торжественно открыт памятник жертвам депортаций, которым стал подлинный вагон того времени. Образ вагона для скота встречается сегодня и в школьных учебниках. Другой часто цитируемый образ, имеющий то же символическое значение, – используемый на обложках книг и плакатов к выставкам, мотив уходящих к горизонту рельсов. С 1940 по 1949 г. Латвия потеряла около 25% своего населения, в том числе около 10% латышского населения. Почти каждая латышская семья потеряла родных. Память о сталинской депортации июня 1941 г. играет в коллективном самосознании настолько центральную роль, что для других исторических перспектив остается очень мало места»⁵.

Важным элементом инфраструктуры памяти о сталинизме в Латвии стал Музей оккупации Латвии, открытый в 1993 г. в Риге. В экспозиции данного музея был сделан акцент на жертвах среди латвийского народа, которые связаны с периодом 1941–1991 гг. и нахождением республики в составе СССР. При этом в экспозиции музея отчетливо прослеживается желание поставить знак равенства между нацистской и советской оккупациями, что было отмечено российским послом В. Калужным, посетившим музей в 2005 г.

Данная позиция нашла отражение и в стремлении Латвии добиться международного признания своих трактовок Второй мировой войны и периода сталинизма. Именно по инициативе Риги и других балтийских столиц в сентябре 2008 г. Европарламент выступил с инициативой объявить 23 августа Европейским днем памяти жертв сталинизма и нацизма⁶. Данное предложение, разумеется, вызвало протест российской стороны, которая, хотя и осуждает на официальном уровне сталинскую политику, никогда не допускала приравнивания советского режима к гитлеровскому. Решение Европарламента было поддержано в Латвии,

Сейм которой 16 июля после бурных дебатов объявил о том, что 23 августа становится новой государственной памятной датой.

Еще одним механизмом государственной политики памяти о сталинизме является действующая в Латвии с 1998 г. Комиссия историков при президенте. Согласно информации на официальном сайте комиссии, на начальном этапе ее существования работа историков сводилась к исследованию проблемы «преступлений против человечества во время двух оккупаций 1940–1956 гг.». При комиссии было создано пять рабочих групп, которые действуют независимо друг от друга: 1) Преступления против человечества на территории Латвии 1940–1941 гг.; 2) Холокост в Латвии 1941–1944 гг.; 3) Преступления против человечества на территории Латвии во время нацистской оккупации 1941–1944 гг.; 4) Преступления против человечества в Латвии во время советской оккупации 1944–1956 гг.; 5) Латвия в составе Советского союза 1956–1990 гг.⁷

Кроме того, в стране в период с 1991 г. создана широкая сеть «мест памяти»: мемориал «Белые кресты» на Первом лесном кладбище в Риге, памятник депортированным в 1941 г. детям на Замковой площади в Риге, мемориальный ансамбль в память о депортации 14 июня 1941 г. на железнодорожной станции Торнякалнс и ряд других. Как бы в противовес позиции, утверждающей, что от сталинского террора страдали только латыши, на территории Свято-Троицкого Сергиевского женского монастыря в 1994 г. был установлен памятный камень русским жителям Латвии – жертвам репрессий.

Можно заключить, что Россия и Латвия демонстрируют разные подходы к институционализации памяти о периоде сталинизма, которые отличаются как по интенсивности, так и по содержанию. Для российского государства память о сталинских преступлениях – это прежде всего память о репрессиях, о жертвах незаконных расправ и террора. Как отмечает председатель общества «Мемориал» А. Рогинский, «память о сталинизме в России – это почти всегда память о жертвах, но не о преступлении. В качестве памяти о преступлении она не оторефлексирована, на этот счет консенсуса нет»⁸. Важно также отметить, что российские официальные лица и главы государства, неоднократно с осуждением отзывавшиеся о периоде сталинизма, никогда не переносили негативного отношения к сталинскому правлению на советский период российской истории в целом. Категорически неприемлемыми для российского правительства были также попытки некоторых маргинальных групп приравнять сталинизм к нацизму. Таким образом, сталинский

террор для российской исторической политики является «вещью в себе», он полностью вырван из контекста истории XX в.

В Латвии, напротив, «политика памяти» о сталинизме является связующим звеном между проблемой утраты государственности, нацистской оккупацией (и участием латышей в Холокосте) и судьбой страны после окончания Второй мировой войны. Используя память о сталинизме и приравнивая его к нацизму, латвийские власти пытаются сделать более убедительной картину, согласно которой Латвия в 1930–1940-е годы находилась «между молотом и наковальней», между Москвой и Берлином. Кроме того, сталинский террор рассматривается как типичная практика советского государства, и воспоминания о нем делегитимируют с точки зрения официальной Риги весь период нахождения страны в составе СССР. Еще одно важное отличие между российской и латвийской государственной политикой в отношении памяти о сталинизме заключается в том, что в Латвии наряду с памятью о жертвах присутствует тема «палачей» или, говоря иначе, «оккупантов», погубивших независимое латвийское государство.

Обозначенные различия прямо проистекают из задач, перед которыми стояли демократические Латвия и Россия на рубеже 1980–1990-х годов. Россия, уже к 1993 г. оказавшаяся на пороге гражданской войны, дезинтеграции и сползания в политическую анархию, остро нуждалась в поиске исторического компромисса по самым острым вопросам истории XX в.

Необходимо учитывать, что элита новой России в большинстве своем состояла из бывших функционеров коммунистической партии и комсомола, которые не могли провести широкую десоветизацию и полностью отринуть советское наследие. Более того, международный статус России, ее право вето в Совете Безопасности ООН и контроль над ядерным потенциалом бывшего СССР прямо проистекали из статуса Российской Федерации как правопреемника Советского Союза – одной из держав-победительниц во Второй мировой войне.

Стоит отметить также, что память о победе в Великой Отечественной войне к середине 1990-х годов осталась, вероятно, единственным историческим сюжетом, по которому существовал общенациональный консенсус. В этих условиях российскому руководству приходилось быть весьма аккуратным в политике по увековечиванию жертв сталинских преступлений, чтобы, чтя память жертв, не провоцировать рост напряжения в обществе и не дискредитировать участия Советского Союза во Второй мировой войне.

Латвийское государство, напротив, выстраивало свою идентичность на основе тотального отрицания советского прошлого и советских трактовок истории Второй мировой войны. Память о сталинизме и увековечивание памяти жертв сталинских репрессий выступали просто элементами утверждения Латвийской Республики в качестве государства – продолжателя довоенной Латвии. Подобная политика служила также целям дезориентации русского меньшинства, которое объявлялось состоящим из потомков «оккупантов». Русские в Латвии также ставились перед искусственным выбором: осудить сталинизм и всю советскую историю Латвии, либо не осуждать советский период истории страны и стать защитниками преступной сталинской политики. Таким образом, общество целенаправленно разделялось на «истинных латышей», которые сострадали жертвам сталинского террора, и «неграждан», которые пытались говорить отдельно о сталинских преступлениях и отдельно – об истории Латвии в СССР в целом.

Как это ни парадоксально, более радикальная антисталинистская позиция латвийского руководства привела к тому, что уровень плюрализма и свободы дискуссий в латвийском обществе по проблемам сталинизма значительно ниже, чем в России, где власти избрали путь более мягкой и ограниченной институционализации памяти о сталинском периоде истории. В российском общественном пространстве, на книжных полках магазинов, в политической и академической среде в настоящее время могут открыто излагаться прямо противоположные мнения о периоде сталинизма, и ни одна из сторон не подвергается судебным преследованиям или общественному ostrакизму. В то время как в Латвии введена уголовная ответственность за отрицание «советской оккупации».

Примечания

¹ Российская газета. 2007. 31 окт. С. 2.

² Память о национальных трагедиях так же священна, как память о победах // Президент России. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/5862> (дата обращения: 18.02.2017).

³ Николай Сванидзе о рейтингах Сталина // Дождь. [Электронный ресурс] URL: https://tvrain.ru/teleshov/kozyrev_online/nikolaj_svanidze_o_rejtingah_stalina_da_mochil_ubival_sazhal_no_tolko_plohij_bojar_a_milliony_bezvinno_pogibshih_krestjan_uplyli_iz_pamjati-380911 (дата обращения: 18.02.2017).

⁴ *Зубкова Е.Ю.* Прибалтика и Кремль. М., 2008.

- ⁵ *Онкен Э.-К.* От истории освобождения к истории оккупации: Восприятие Второй мировой войны и память о ней в Латвии после 1945 года // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 447.
- ⁶ Declaration of the European Parliament on the proclamation of 23 August as European Day of Remembrance for Victims of Stalinism and Nazism 23.09.2008 // European Parliament. [Электронный ресурс] URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P6-TA-2008-0439+0+DOC+XML+V0//EN> (дата обращения: 18.02.2017).
- ⁷ Комиссия историков Латвии // Президент Латвии. [Электронный ресурс] URL: http://www.president.lv/pk/content/?cat_id=7&lng=ru (дата обращения: 18.02.2017).
- ⁸ *Рогинский А.* Память о сталинизме // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. М., 2011. С. 22.